

Сергей Терентьевич Семенов

Беженка Луиза

Сергей Семенов

Беженка Луиза

«Public Domain»

1916

Семенов С. Т.

Беженка Луиза / С. Т. Семенов — «Public Domain», 1916

«...Стуловы всей семьей сидели за завтраком. И старые и малые друг за другом протягивали ложки к блюду с обжаренным картофелем и молча усердно жевали. Глядели все спокойно и довольны; у подростков на щеках выступил веселый румянец и в глазах сверкал задорный огонек. Сегодня у них помолотки. Обмолотили все остатки. Послезавтра пропустят ворох, оправят омет, и можно будет загораживать овин и забыть к нему дорожку до другой осени...»

Сергей Терентьевич Семенов

Беженка Луиза

I

Стуловы всей семьей сидели за завтраком. И старые и малые друг за другом протягивали ложки к блюду с обжаренным картофелем и молча усердно жевали. Глядели все спокойно и довольно; у подростков на щеках выступил веселый румянец и в глазах сверкал задорный огонек. Сегодня у них помолотки. Обмолотили все остатки. Послезавтра пропустят ворох, оправят омет, и можно будет загораживать овин и забыть к нему дорожку до другой осени.

И пора. Зима уже дает себя знать очень настойчиво. Все продолжительнее заморозки по утрам, солнца не видно по целым дням. По небу то в одну, то в другую сторону медленно и низко движутся густые, как будто перегруженные чем тучи и точно выбирают место, где бы им остановиться и разгрузиться. И если они выбросят то, что их обременяет, тогда плохо будет тем, у кого останутся необмолоченные снопы или неубранная на усадьбе солома... Да и другие дела ждут. Поговаривают, что нужно делить дрова и валить участок...

– Ну, вот и сыты, слава богу, – проговорил, положив ложку и обтряхивая рукой свою густую темную бороду. Мартын. – Налей-ка нам, хозяйка, чайку.

– И мне, – блестя глазами и чему-то улыбаясь, заявил шестнадцатилетний Ларька.

– Подождешь, не всем сразу, постарше тебя есть, – оговорила мальчика Татьяна и перевела глаза на большака Андрея, с явным отпечатком перенесенной боли на худом и бледном лице.

Андрей был ратник, со второй мобилизации пошел на войну, ходил с своей дружиной вблизи передовых позиций, участвовал в наступлении на Восточную Пруссию, при отходе был ранен в ступню ноги и левый бок, долго лежал в лазарете и только недавно пришел домой, освобожденный от военной службы навсегда.

Дома Андрей пока отдыхал. Ходил он с костылем, поэтому работать ему было трудно, но ему не сиделось на месте; он шел в овин, когда молотили, в сарай, когда туда шли за кормом, встречал скотину, когда ее пригоняли из стада. Мать его удерживала, но Андрей не слушал ее и совался во всякий след. Сегодня он еще до свету отправился в овин и был там с молотильщиками до конца.

– Наливай ему, я подожду, – взглянув на Ларьку, улыбаясь, выговорил Андрей.

– И он подождет, не велик барин...

– У нас никого господ нет, – огрызнулся Ларька.

– Всем достанется, не торопитесь, – степенно сказал Мартын, наливая в блюдце желтый дымящийся чай и с наслаждением схлебывая его. Но Ларька, не обращая внимания на слова отца, продолжал ерошиться:

– Молотельщикам надо вперед увагу сделать.

– Ах ты... молотельщик! – упрекнула его мать, но все-таки подала ему чашку прежде Андрея.

– А что ж, нешь мы не молотельщики? – заступилась за брата Наташка.

– Все помощники, что тут говорить, – примирительно проговорил отец. – Если бы не они, нам нешь теперь разминаться? Протянули бы до Николы.

И сознание, что они развязались с этой работой, привело всех опять в покойное состояние, посыпались шутки, зазвучал смех...

С улицы доносились удары в чугунную доску. Сначала звуки неслись издалека, но дальше они слышались ближе. Это был созыв на сходку. Мартын прислушался и проговорил:

– Зачем это такое?

– Небось какие-нибудь новости, – сказала Татьяна.

– Новости из волости! – выговорила Наташка и вдруг фыркнула на свои слова, на нее глядя захохотал Ларька.

Татьяна только поглядела на них, но ничего не сказала.

Ясно, что звали на сходку, но теперь сходка не тревожила их. Будет, потревожились они прошедший год, как только объявили войну. Каждый день они встречали со страхом, не объявили б призыва. Призыв наступил, Андрея взяли, тогда пошло ожидание известий. Каждое полученное письмо заставляло сжиматься сердце у отца и матери. А потом сколько горя пережили они, когда пришло известие, что Андрей ранен. Татьяна думала, что не придется уж ей больше и увидеть своего кровного... А он вот, дома. Правда, не таким, каким пошел, но все-таки жив, и больше его не потревожат. И это сознание не только прочно успокоило их, но породило какое-то тупое довольство. Какие беды ни будь теперь ихнему дому, они не так страшны. Их семья будет стоять от них в стороне...

– Давай-ка, наливай еще, – выговорил Мартын. – Нужно будет сходить узнать, что там такое?

– И я пойду, – решительно заявил Ларька.

– А тебе что там делать?

– Так, постою да послушаю.

– А в овине убираться?

– Что ж я, один пойду?

– Ладно, все сделается, – опять примирительно проговорил Мартын и, допив стакан, двинулся из-за стола.

– А ты ложись, полежи, – предложила Андрею мать.

– Я не устал.

– Как не устал? Ни свет ни заря со двора пошел, зачем было ходить?

– Нужно ж разминаться.

– Придет время – разомнешься.

Андрей хоть и отговаривался, но все-таки подошел к конику и лег; когда он вытянулся, то по всему стало видно, что ему гораздо лучше в этом положении. Мать почувствовала это и опять сказала:

– Вот и ладно. Лежал бы так больше, скорей бы оправился. А то ходишь, куда тебя не спрашивают. Только себя трудишь.

– Скучно все лежать да молчать...

– Скучно здоровому.

– И я здоров.

– Здоровый, а калекий, – выговорила Наташка и опять засмеялась.

II

Посуда была перемыта и убрана в шкаф, самовар унесли в чулан. Татьяна совсем развязалась с печкой и заставила девочку мести пол. В это время в избу вбежал Ларька, еще более румяный, запыхавшийся. Он только переступил порог, как торопливо проговорил:

– Беженцев в деревню привезли.

– Откуда?

– Из города, на житье размещают. Нам двоих наставили. Кто ж они такие?

– Не знаю. Отец сейчас приведет.

– Милые мои! – взвизгнула Наташка и выпустила веник из рук.

Андрей приподнялся с изголовья. Татьяна стояла, растерявшись, не зная, как принять ей неожиданно свалившуюся новость. О беженцах говорили давно. Опрашивали, сколько деревня может принять и поместить их. Составили список. Но пока говорили, тогда об этом и думали, а разговор прекратился – и все вылетело из головы. И вдруг вышло, что их пригнали, нужно их принимать. Отводить им место, стесняться, беспокоиться, да еще в такое время, когда у них неоправившийся больной.

Но сейчас же Татьяна вспомнила все, что говорилось про беженцев, сколько им пришлось перенести муки, страданий. У них разорили все и самих их выгнали из родных мест. Что, если бы это случилось с нами? Растерянность Татьяны сразу исчезла. Сердце ее всколыхнулось, и она ясно поняла, что им нужно делать. Быстро повернувшись, она окинула взглядом избу, какие в ней неурядицы. Забросила на печку валенки, тряпье, поставила на место скамейку и спросила Ларьку:

- А кого к нам назначили-то, мужиков али баб?
- Какую-то старуху с дочерью. Два узла у них с добром да ящик. Ящик на подводе везут.
- А к другим кого?
- К Коробкиным старик сам-третей, к Павловым две бабы...

Ларька рассказывал, Татьяна одним ухом слушала и соображала, как и где им разместить нечаянных квартирантов. Правда, у них есть другая изба, – так ее нужно отдельно топить, лишние дрова тратить...

Послышался стук отворяющейся калитки и шаги, в сенях что-то тупо стукнуло, и отворилась дверь в избу. Вошел Мартын, а за ним две женщины. Женщины обе внесли в избу по узлу. Одеты они были в теплое, головы укутаны в шали. Первая женщина была небольшая, худощавая; она сейчас же сложила узел и глухим, печальным голосом, не чисто выговаривая по-русски, проговорила:

– Здравствуйте.

Вслед за нею «здравствуйте», и так же не чисто выговаривая, сказала и молодая.

– Просим милости, – ласково и приветливо вымолвила Татьяна. – Скидавайте с себя одежду. Уж если к нам жить приехали, – робеть нечего, я сейчас самовар вам подогрею.

– Спасибо, – опять плохо по-русски сказала старшая и стала развязывать узлы шали на спине.

Молодая быстро освободилась от одежды и осталась в вязаной шерстяной кофте и серой плотной, из чего-то домотканого, юбке. Она была статная, круглолицая, с большими серыми глазами и целой шапкой белокурых волос на голове. Несмотря на здоровье и красоту, глаза ее глядели печально. Старая же женщина была худая, изможденная, с лица ее сбежали все краски, и в глазах было только горе...

– Дочка моя, Луиза звать, – объясняла старшая, кто ей будет младшая.

– А самое тебя как?..

– Меня Анна.

– Хорошее дело, – одобрила Татьяна. – А это вот мои детки. – И она назвала своих детей. Андрей первый захотел узнать, из каких они мест:

– А откуда вы будете?

– Из Курляндии. Под Митавой у нас ферма была. Латышки мы, – сказала старшая. – Жили целой семьей, – хозяин, сын молоденький. А остались мы только двое с дочкой... Только двое...

Неожиданные рыдания оборвали слова старухи. Она опустилась на лавку к столу. У Луизы только глаза сразу налились слезами. Но она быстро повернулась и подошла к матери.

– Будет, мама. Зачем себя тревожить, нужно забывать.

– Как забывать? – с рыданием воскликнула Анна. – Когда в один год столько бед...

И она стала перечислять свои несчастья. Когда открылась война, они не думали, что на их край нападут немцы. В их местах стояло много солдат. Они все ехали на прусскую границу, передвигались целую зиму. Но вот наступила весна, и все вошло по-другому – солдаты хлынули назад, стали летать немецкие аэропланы. Пошли слухи, что немцы вблизи. Их сын, подросток, пошел раз в лес, лес вдруг заняли немцы. Мальчик испугался и забрался на дерево. Немцы увидели его, заподозрили, что он следит за ними для русских, и застрелили. Отец после этого вступил в латышскую дружину добровольцев. Ему хотелось отомстить за смерть сына, но в первой схватке убили его... Ферму сожгли, имущество разграбили. Они прежде жили в своих городах, то в одном, то в другом, но их край все заполняли немцы. Тогда они согласились поехать внутрь России. И вот их назначили сюда.

– Уж эта война, чтобы ей ни дна ни крыши! У нас вот тоже парня искалечили, – глубоко вздыхая, проговорил Мартын.

– Тоже на войне? – поднимая заплаканные глаза на Андрея, спросила Анна.

– На войне.

– В ваших местах, – вмешался в разговор Андрей. – Мы у вас долго стояли, пока не погнали в Восточную Пруссию. Потом назад мы шли тоже этими местами. Сраженья принимали.

– В эти сраженья у нас, говорят, всю землю изрыли и сады и поля погубили.

– Верно, – подтвердил Андрей, – ничего не миловали, не один народ изуродовали, а и землю. А какие ваши места хорошие, земля какая, порядок, аккуратность! Мы еще глядели да думали: вот молодец народ, живет не по-нашему.

III

Татьяна подогрела самовар, Наташка накрыла на стол. Подали хлеба, свежего картофеля, гостей усадили за стол и принялись угощать. Беженки все вспоминали про свою жизнь, о многом говорили. Стуловы внимательно слушали их и жалели, а Ларька с Наташкой, как ни были весело настроены с утра, но при рассказах беженок у Ларьки стали серьезные глаза и как будто старше лицо, а Наташка поминутно вздыхала.

– Д-да, – вздохнув, выговорил Мартын, – у вас от такого житья было больше ко всему привязки. От этого вам везде будет скушно. И у нас вам трудно покажется... Нешто во что, баба, – обратился он к Татьяне, – чтобы им поспокойнее у нас помешаться, отвести им ту избу?

Та изба у Стуловых была поменьше. Ее оставили от старой стройки на всякий случай, втайне подумывая, что вот, может, женится Андрей, и тогда в той избе поселятся молодые. А когда война отдала эту надежду, избу пустили под всякую всячину, в ней лежало кое-какое добро, лишняя сбруя.

– Что ж, – согласилась Татьяна, – ее разобрать недолго, разобрать да вытопить – и пусть живут на здоровье.

– Желаете, что мы вам отведем отдельную избу? – спросил Мартын у латышек. – Будете вы жить, как захотите, никто вам не помешает.

– Спасибо, это было бы очень хорошо. И мы вам тогда не помешаем.

– Вот-вот, будем друг к другу в гости ходить, – уже весело воскликнул Мартын и, обратившись к Татьяне, добавил: – Разбери им, хозяйка, избу, принеси дров, а мы на свое дело пойдем. Ларька, Наташка, идемте овин освобождать...

Татьяна показала беженкам избу. Они вынесли из нее, что там лежало, и попросили Татьяну больше не беспокоиться. Они сами взялись и вытопить избу и вымыть ее. Татьяна не перечила.

День прошел, и надвигался вечер. Когда смерклось и Мартын с ребятами вернулся домой, то ни беженок, ни их узлов, ни ящика с их добром, оставленного давеча в сенях, не было. Татьяна сказала, что они совсем устроились в старой избе и, кажется, очень довольны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.